

чего хошь. Такъ и стали жить да поживать да добра наживать. И топере живутъ, сказываютъ старыя то люди, живутъ да намъ поклоны шлютъ.

Орловскій у., д. Халтуриныхъ. Зап. со словъ Орины Халтуриной.

127. [Дѣвица и разбойники].

Жилъ богатой хресьянинъ. У него была дочка молодая, ужъ такая ли красота писаная, что только на-поди. И бойкая была, страсть какая: николи ничего не боялась. „Чего мнѣ, говоритъ, я сама всѣхъ спужаю“.

Ну и вотъ пришла ярманка, отцу съ матерью на базаръ поспѣло ѣхать. Запредили лошадку и поѣхали. А дѣвка одна осталась, домовнічать—значить. Вотъ ладно. Ночь подходить. Дѣвка заперла ворота, косу, топоръ взяла, все, значить, припасла, какъ бы чего не было. а сама легла спать. А тутъ парень одинъ жилъ неподалечку. Онъ узналъ, что дѣвка то одна дома, отецъ съ матерью уѣхали, взялъ да и подговорилъ мужиковъ: „пойдемъ, говоритъ, ограбимъ ее: чай у нихъ много добра-то позапáсено. А дѣвка одна—много ли ей нужно? даль тычка, и съ ногъ долой“. Ладно, пошли. Приходятъ въ самую полночь; темень такая, что хоть глазъ коли, а тутъ и дождикъ, и вѣтеръ, и все... Только ворами и ходить въ экую ночь. Вотъ онъ и давай окончо пробовать: трясъ, трясъ—нейдетъ тебѣ, да и полно. Онъ туды дальше руку то просунулъ, хотѣлъ выдрать, значить, его. А она, какъ встала, да какъ хватить его по рукамъ косою, руки такъ и отлетѣли. А онъ давай Богъ ноги, только бы поскорѣе убраться-то отъ нея. Такъ и убѣжали.

Много-ли, мало-ли проходитъ, только и прѣзжаетъ онъ сватать ее. Ну и сваты съ нимъ, значить, какъ слѣдуетъ; а сваты то эти такіе же разбойники, какъ и онъ. Сладили дѣло, уговорились, что тамъ, пировать пиръ сѣли. У жениха рукъ то нѣтъ, онъ и надѣлъ перчатки черныя, а въ нихъ набилъ песку. Невѣстѣ и невдомекъ это, а отецъ и спрашиваетъ: „что это, говоритъ, у тебя, парень, перчатки на рукахъ?“—„А такъ, говоритъ, руки болятъ маленько“.

Дѣвку совсѣмъ ужь засватали, домой поволокли... къ жениху, значить. А дѣвка все еще не знаетъ, что мужъ-отъ у ней разбойникъ. Ёдутъ, ёдутъ, а до дому было далеко. Къ ночи пріѣхали, тѣмно стало, дождикъ моросить... Вотъ онъ и собирается ее убить, што она руки отрубила ему. Велѣлъ ей баню топить, въ котелъ воды носить, чтобы сварить ее тамотка. Взяла она ведерцы да и пошла на рѣку воду носить. Носить, носить, а котелъ большущой, много въ него нужно, умаялась она. Тутъ люди были къ ей приставлены, возьми да и скажи ей: „вѣдь въ котлѣ, молъ, тебя варить хотять, для себя носишь воду; носи, не лѣнись“. Какъ услышала это дѣвка, да давай Богъ ноги поскорѣе, какъ бы убѣжать. Бѣжала, бѣжала и спряталась на ёлку. Какъ узналъ женихъ, что она убѣжала, сичасъ въ погоню: „врешь, слышь, не уйдешь, сыщу“. И поѣхали съ пиками, съ кóсами нагонять ее. Искали, искали, умаялись, обмочились всѣ (а въ тѣ поры дождикъ шелъ). Ну и пришли подъ елку, отдохнуть маленько захотѣлось. Дѣвка сидитъ ни гу-гу, пришипилась на ёлкѣ. Только женихъ взялъ пикъ да и ткнулъ въ ёлку и говоритъ: „вотъ бы нашелъ окаянную, такъ и испрокололъ-бы всю пикой!“ Кровь то у ей такъ и льется изъ ножекъ; терпитъ да Бога молить, какъ бы уйти до свѣту. Женихъ и говоритъ: „что это, больно ужь дождь льетъ здѣсь, подѣмъ, парни, далѣ“. Темно, вишь, было, и не сдоганулись, что это кровь льетъ. Такъ и ушли.

Дѣвка слѣзла съ ёлки да и побѣжала домой. Шла, шла, видитъ: мужикъ съ сѣномъ ѣдетъ. Она къ ему и упала въ ноги: „такъ и такъ, дядюшка родименькой, спрячь меня въ сѣно: разбойники, говоритъ, меня ищутъ. Какъ привезёшь меня къ отцу, онъ тебѣ половину имѣнья отдастъ“. Ладно. Мужикъ спряталъ ее въ возъ. Ёдетъ далѣ. Только и нагоняютъ тутъ его разбойники. Старшій-етъ атаманъ и говоритъ: „не видалъ-ли, говоритъ, здѣсь не пробѣжала-ли дѣвка?“ Старичекъ и отвѣчаетъ: „нѣтъ, говоритъ, не видалъ“. Разбойникъ и спрашиваетъ: „а не въ возу ли она у тебя?“ Старичекъ и отвѣчаетъ: „нѣтъ, говоритъ, не въ возу, ничегосеньки у меня тамотка нѣтъ“. Разбойники туда пиками и тычуть; тыкали, тыкали—нѣтъ, не нашли. Дѣвку всю разпроназили, а она все молчитъ. Такъ и ушли: „видно“

говорить, и възаболѣ у ёго никого нѣтъ. Поѣзжай съ Богомъ, старичекъ, не обезсудь на насъ, што мы тебѣ сѣно то потыкали“. Ну, а какъ они ушли, старичекъ поѣхалъ себѣ и дочку домой доставилъ. Отецъ ему половину богатства за это отдалъ.

Орловскій у., дер. Халтуриныхъ. Зап. со словъ Орины Халтуриной 1882 г.). Сказка эта самая распространенная въ здѣшнемъ уѣздѣ).

128. [О нечистой силѣ].

Одныжды дѣвки слушать пошли (о Рождествѣ). Пустой домъ тутъ въ деревнѣ былъ,—такъ вотъ туда онѣ и забрались. Парни провѣдали это да и забились на полати запрежа еще, попугать дѣвокъ хотѣли. Вотъ ладно. Взошли дѣвки въ избу, а тутъ изъ подполу бѣсъ и вылѣзаетъ. Заганулъ имъ загадку: „что, баеть, за три косы да что за три дуги?“ Дѣвки спужались страсть. Парни тутъ и шепнули имъ: „вы, бають, не бойтесь, мы отгадаемъ“. Вотъ и бають бѣсу: „а и три косы, бають, коса—у дѣвки, да коса, что косятъ, да коса—у пѣтуха; а и три дуги, бають: дуга запрегательная, да дуга—радуга, да дуга—бровь у красной дѣвушки“. Чортъ видитъ: отганули.—„Бѣгите, баеть, скорѣе, скорѣе, не то—худо будетъ“. Онѣ сичасъ драли. Только у одной дѣвки сарафанъ спалъ; такъ тутъ въ избѣ и остался, голая домой прибѣжала. Посмотрѣли тутъ на другой день, а сарафанъ весь по клочьямъ такъ и разбросанъ по всей избѣ.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Зап. со словъ крестьянки Авдотьи Горовой. 1882 г.

129. Мужикъ и запойщикъ.

Мужъ съ женой жилъ. Жили страсть богато. Только ему, этому мужу-то, все въ уши вносятъ, про жону бають. Ну, а онъ не слушаетъ. „Что, баеть за пустяки!“ и бить николѣ жоны не билъ, пальчикомъ не тронулъ.

Только и поѣхалъ онъ по сѣмя въ городъ да и баеть жонѣ: „я, баеть, поѣду, а ты меня, мотри, не дожидай; се-